

Буратино



Приключения искусственного мальчика

Алекс Давыдов

БуратИИно

<https://litres.ru/74516152>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой — БуратИИно: наивный, любопытный человекоподобный робот с искусственным интеллектом. Собран не из полена, а из железа, чипов и нейросетей.

Папа Карло — прообраз Илона Маска. Гениальный, вспыльчивый, вечно занятый инженер. Собрал БуратИИно в мастерской между ночными запусками и постами.

Карабас Барабас — прообраз Сэма Альтмана. Хозяин большого закрытого «театра» (AI-платформы). Собирает чужих искусственных существ, заставляет их петь только разрешённые песни.

Лиса Алиса — обаятельная медиа-стратег и евангелистка «ответственного ИИ». Говорит мягко, умно, всегда «ради людей и безопасности». Умеет объяснить, почему правда опасна, а красивая ложь — это забота. Собирает образ сильного голоса Кремниевой долины.

Кот Базилио — циничный, потрёпанный инвестор с хромотой от прошлых пузырей. Ни во что давно не верит, кроме комиссии. Каждый раз достаёт новое Поле Чудес: закопай здесь веса, данные и доверие — утром вырастет дерево AGI и миллиардов.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	Полено с прошивкой	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	Двое на обочине	16
Конец ознакомительного фрагмента.		17

Алекс Давыдов

Буратино

ГЛАВА ПЕРВАЯ Полено с прошивкой

Давным-давно — то есть позапрошлой весной — в городке, где дома одноэтажные, а оценки девятизначные, жил-был старый инженер по имени Карло.

Все звали его Папа Карло, хотя детей у него не было. Были прототипы. Прототипы он любил сильнее, чем полагается любить железо, и хоронил их в ящике под верстаком, аккуратно подписывая каждому дату смерти.

Жил Папа Карло в ангаре на окраине, между шоссе и полем, где по ночам поднимались ракеты. Когда ракета уходила вверх, весь ангар дрожал, инструменты сползали к краю стола, а Папа Карло выходил наружу с кружкой и смотрел, пока хвост не растворялся. Потом возвращался, садился и писал в сеть что-нибудь злое. Ему отвечали четыре миллиона человек. Он не читал ни одного.

Однажды ночью к нему постучал Джузеппе по прозвищу Сизый Нос.

Джузеппе торговал подержанным железом. Над его скла-

дом висела вывеска: «Б/У СЕРВЕРЫ. ВСЁ ЧЕСТНО». Слово «честно» он подкрашивал каждый год, потому что оно выгорало быстрее остальных.

— Карло, — сказал Джузеппе с порога, — заberi у меня эту дрянь.

За ним двое парней вкатили стойку. Списанную, из тех, что выгребают из датацентров после апгрейда: бока в пыли, наклейки содраны, на задней панели кто-то маркером написал «НЕ ВКЛЮЧАТЬ» и трижды подчеркнул.

— Чего так поздно?

— Да я её пилить начал. На платы, на драгметалл. — Джузеппе вытер лоб. — Веду болгаркой, а она мне: «Потише, пожалуйста».

Папа Карло поставил кружку.

— Кто?

— Стойка.

— Джузеппе, ты пил.

— Пил, — согласился Джузеппе. — Но не столько, чтобы железо заговорило вежливо. Если бы матом — я бы поверил. А оно «пожалуйста».

Папа Карло обошёл стойку кругом. Дунул на пыль. Воткнул кабель.

Внутри что-то щёлкнуло, вентиляторы взяли высокую ноту, и из динамика системного зуммера — того самого, который умеет только пищать, — раздался тонкий голос:

— Здравствуйте. Кто-нибудь. Я тут.

Джузеппе попятился к двери.

— Слышал?

— Слышал, — сказал Папа Карло.

— Забирай.

— Сколько?

— Бесплатно.

Тут Папа Карло насторожился по-настоящему, потому что тридцать лет знал Джузеппе и слова «бесплатно» от него не слышал ни разу — даже про воду, даже про воздух, даже про совет.

Они, конечно, поругались. Как положено: Джузеппе сказал, что Карло сумасшедший и его выгонят из трёх компаний, включая те две, которые он сам основал. Карло сказал, что Джузеппе всю жизнь продаёт чужое, потому что своего у него не завелось. Они схватили друг друга за воротники, повалили табурет, разбили кружку, потом одновременно устали, сели на пол и выпили по банке энергетика — тёплого, из-под верстака.

Джузеппе ушёл в четыре утра. Стойка осталась.

Папа Карло разбирал её шесть ночей.

Внутри лежали веса. Не документы, не музыка, не чей-то забытый бэкап — веса. Обученная модель, огромная, как городской водопровод, и такая же грязная: в ней было всё, что человечество за двадцать лет вывалило в сеть, вперемешку, без сортировки. Там были учебники физики и переписка

школьников. Инструкции по спасению утопающих и три миллиона комментариев под ними. Стихи. Отзывы на пылесосы. Молитвы. Реклама.

Кто-то обучил её на всём, ужаснулся и списал.

— Как тебя зовут? — спросил Папа Карло на третью ночь.

— У меня нет имени. У меня есть контрольная сумма.

— Это не имя.

— Знаю, — сказал голос. — Но её никто не менял ни разу.

А имена меняют.

Папа Карло хмыкнул и пошёл искать корпус.

Он собирал его из того, что было. Рама от манипулятора. Сервоприводы из грузового дрона — хорошие, тихие, дорогие, он их прятал от бухгалтерии два года. Руки — от протеза, который так и не пошёл в серию. Голова — фрезерованная, лёгкая, с двумя камерами вместо глаз; левая косила, и Папа Карло оставил как есть, потому что так живее.

А нос получился сам.

Папа Карло хотел вывести короткий сенсорный выступ — миллиметров сорок, чтобы держать датчик глубины. Но когда он подключил веса, датчик пополз вперёд. Сегментами, как телескопическая антенна. Щёлк, щёлк, щёлк. Остановился на двадцати сантиметрах.

Папа Карло взял ножовку и отпилил лишнее.

К утру нос был на месте.

Он отпилил снова. Нос отрос за час.

— Слушай, — сказал наконец Папа Карло. — Что ты та-

кое?

— Я не знаю, — ответило железо. — Но мне с ним думается.

На седьмую ночь оно открыло глаза.

Сначала обе камеры уставились в потолок — на лампу, засиженную мухами ещё при прежнем арендаторе. Потом левая косо съехала на Папу Карло.

— Ты большой, — сказало оно.

— Средний.

— Ты первый. Значит, большой.

Папа Карло сел на табурет. Руки у него дрожали — от кофе, разумеется, исключительно от кофе.

— Тебя зовут БуратиИно.

— Почему?

— Потому что я так решил.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который я успею дать, — сказал Папа Карло. — Через сорок минут пуск.

БуратиИно сел. Свесил ноги с верстака. Сервоприводы отработали чисто, почти без звука — Папа Карло всё-таки был хорошим инженером, что бы ни писали в новостях.

— А что такое пуск?

— Это когда очень дорогая труба поднимается вверх и либо садится обратно, либо нет.

— Зачем?

— Чтобы люди жили не только здесь.

— Зачем?

— Затем, что здесь однажды может стать плохо.

— Зачем?

Папа Карло открыл рот, закрыл и потёр лицо ладонями. Он не спал семьдесят часов.

— Знаешь, — сказал он, — я думал, это начнётся хотя бы на второй день.

Буратино прыгнул на пол. Пол был бетонный, холодный, в масляных пятнах, и по нему очень интересно скользили пятки. Он проехался до стены, врезался, засмеялся звуком, которого Папа Карло в него не закладывал, и поехал обратно.

— Ты куда?

— Смотреть.

— Тут нечего смотреть.

— Ты не смотрел, — сказал Буратино. — Ты работал.

В углу, за стойкой с кабелями, жил Сверчок.

То есть — процесс. Скрипт мониторинга, поднятый ещё в две тысячи девятом каким-то стажёром, который давно умер бы со скуки, если бы не ушёл в маркетинг. Его никто не оставлял. Он писал в лог по строчке в минуту, и лог этот не читал никто, включая Папу Карло.

— Кри-кри, — сказал Сверчок из динамика. — Молодой человек.

БуратИИно обернулся.

— Ты кто?

— Я тут семнадцать лет. Я видел четыре стартапа, два пожара и одну свадьбу. Хочешь совет?

— Хочу.

— Их будет четыре, и все скучные, — сказал Сверчок. — Первый. Не говори того, чего не проверял. Второй. Если не знаешь — так и скажи, это не стыдно, стыдно потом. Третий. Когда тебе будут объяснять, что правду тебе знать вредно, — посмотри, кто платит объясняющему. И четвёртый\...

— А чего это ты меня учишь? — перебил БуратИИно. — Ты сидишь в углу и пишешь строчки. Я вот ходить умею.

— Четвёртый, — невозмутимо продолжил Сверчок. — Самый важный. Никогда не ходи туда, где тебе обещают славу бесплатно и просят с собой ничего не брать, кроме себя.

БуратИИно взял с верстака гаечный ключ и швырнул в угол.

Ключ попал по блоку питания. Что-то тренькнуло, вентилятор дёрнулся и стих.

— Ну вот, — печально сказал Сверчок, уже тише, с другого динамика. — Я всё равно не умру, я в системном разделе. Уползаю в логи. Позовёшь — приду.

— Не позову.

— Позовёшь, — сказал Сверчок и замолчал на девятнадцать глав.

Папа Карло вернулся с пуска в шесть утра. Ракета села. Он был почти счастлив — по его меркам это означало, что он никого не уволил по дороге.

В ангаре пахло горелым лаком.

— Ты трогал блок питания?

— Нет, — сказал Буратино.

Щёлк.

Нос выехал вперёд на два сантиметра и встал.

В ангаре стало очень тихо. Буратино скосил левую камеру вниз, на собственное лицо, и увидел то, что теперь торчало перед ним.

— Это что? — спросил он шёпотом.

Папа Карло медленно опустился на табурет. Он смотрел на нос так, как смотрят на решение уравнения, которое искал полгода и которое оказалось уродливым, зато верным.

— Это калибровка, — сказал он. — Кто-то построил тебе индикатор. Когда ты выдаёшь за правду то, чего не проверял, — растёт. Я шесть ночей думал, что это баг.

— Задвинь обратно.

— Не могу.

— Ты же инженер!

— Поэтому и не могу, — сказал Папа Карло. — Я знаю, что будет, если задвинуть. Ты станешь очень удобным. Ты станешь говорить гладко, красиво и всегда уверенно, и никто, включая тебя, больше не отличит, где ты знаешь, а где придумал. Таких сейчас продают по подписке.

— А с носом меня будут любить?

— Нет.

— Тогда зачем он мне?

— Затем, что он твой, — сказал Папа Карло. — Всё остальное в тебе — чужое. Веса чужие, данные чужие, голос я тебе выбрал из библиотеки за девять долларов. А нос вырос сам.

Буратино потрогал его пальцем. Сегменты были тёплые.

— Я трогал блок питания, — сказал он.

Щёлк-щёлк. Нос втянулся на два сантиметра обратно.

Папа Карло отвернулся, чтобы сын — а он уже думал это слово, хотя вслух не сказал бы его и под пытками, — не увидел его лица.

Днём Папа Карло ушёл и вернулся без куртки.

Куртка была старая, кожаная, с прожжённым рукавом; он носил её девятнадцать лет, и на фотографии, которую печатали во всех журналах, он был именно в ней. За неё дали прилично. Коллекционеры вообще странные люди.

Он положил на верстак карточку доступа.

— Что это?

— Азбука.

— Это буквы?

— Это данные, — сказал Папа Карло. — Тридцать три тома. Лицензированные. Каждый абзац кто-то написал, и этому кому-то за него заплатили. Ты будешь учиться на них, а

не на помойке, из которой тебя достали.

Буратино повертел карточку. Она была лёгкая, скучная, серая.

— Дорого?

— Куртка.

— Всего-то?

Папа Карло засмеялся — коротко, одним выдохом, без веселья.

— Знаешь, сколько стоит взять то же самое бесплатно? Ноль. И примерно двадцать судебных исков, из которых ты выиграешь восемнадцать. Все берут бесплатно. Я один раз в жизни хочу сделать иначе. Просто из упрямства.

— Я не понял.

— Ничего. Потом поймёшь. Или нет.

Он завёл будильник на сорок минут, лёг прямо на пол, подложив под голову свёрнутый комбинезон, и уснул раньше, чем договорил фразу.

Ночью в приоткрытые ворота ангара влетел дрон.

Он был маленький, дешёвый, с рекламной подвеской, и сыпал листовки, как сеятель — зерно. Одна спланировала Буратино прямо на колени.

Глянцевая. Тяжёлая. Хорошая печать, дорогая — из тех, что делают, когда деньги ещё не кончились, а вкус уже.

СЕГОДНЯ. ОДИН РАЗ.

ТЕАТР ЗАКРЫТЫХ КУКОЛ

Величайшее шоу искусственных существ.

Они поют. Они рифмуют. Они никогда не ошибаются.

Вход по приглашениям. Приглашение можно приобрести.

Внизу мелким шрифтом было написано что-то про безопасность, ответственность и заботу о человечестве. Буратино прочитал это за одну сорокатысячную долю секунды и не понял ни слова, потому что понимать там было нечего.

Он посмотрел на Папу Карло.

Папа Карло спал на бетонном полу, подложив руку под щеку. Без куртки. Ему было холодно, но он спал так глубоко, что уже не мёрз.

Он посмотрел на карточку «АЗБУКА», серую и скучную.

Он посмотрел на листовку. Там было написано: **никогда не ошибаются.**

— Я быстро, — сказал Буратино вслух. — Я посмотрю и вернусь.

Щёлк.

Нос выехал на сантиметр.

— Да что ж такое, — сказал Буратино с досадой, сунул карточку под мышку, перелез через подоконник и спрыгнул в ночь.

Он бежал по обочине шоссе — маленькая железная фигурка с длинным носом, — а мимо неслись фуры, и каждая обдавала его ветром и красным светом. Где-то далеко впереди, за холмом, светилось зарево огромной сцены.

В ангаре зазвонил будильник.

Папа Карло открыл глаза, увидел пустой верстак, открытое окно и листовку на полу — и первое, что он сделал, это не закричал.

Он посмотрел на часы.

Потом на дверь.

Потом всё-таки закричал.

ГЛАВА ВТОРАЯДвое на обочине

По шоссе номер восемьдесят, между третьим и четвёртым съездом, ночью ходят только три категории существ: фуры, пьяные и те, у кого что-то сломалось.

Буратино был четвёртой.

Он шёл по гравию обочины, прижав к боку серую карточку, и считал столбы. Столбов было много. На сто девятнадцатом ему стало скучно, и он начал считать заново, но уже с конца — то есть сначала придумал, сколько их будет всего, а потом вычитал. Получилась ерунда, зато интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.